

Шалыгин Роман

18+

Потомок Белого Ягуара

Роман Шалыгин

Потомок Белого Ягуара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48439378

SelfPub; 2019

Аннотация

Антигуманизм, контркультура. Если принять все то, чему учит семья, школа, требует современное общество и стать лучше, как идеальный человек, то возможно ли будет ему, ужиться в этом самом обществе, семье и школе?

Содержание

1.	4
2.	28
3.	39
4.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	68

1.

Кромешную тьму комнаты залило слабым голубоватым свечением, и атмосфера мистической сказки окутала тело ее единственного жителя, бездвижно утонувшего в глубинах продавленного кресла прошлого столетия. Мрачные тени растеклись по стенам и потолку, формируя причудливые ландшафты неизведанных территорий, густозаселенных фантастическими тварями, украдкой выглядывающих своими вычурными оскаленными мордами из ущелий, пробужденными от векового сна, слегка фальшивой, монотонной рождественской мелодией. Китайский будильник, с бесчисленным набором бесполезных функций, сигнализировал о наступлении полночи, давая отсчет новому, шестому дню, шестого месяца, сего года. И помимо мистической атмосферы чуда, зафиксированной сознанием единственного присутствующего здесь наблюдателя, все оставалось таким же, как и во времена канувшего навсегда в лету – пятого числа. А до того: четвертого, третьего, второго... и так далее.

Погасший свет часов, с подсевшими батарейками, вернул сознание местного жителя в безвкусно обставленную немногочисленной мебелью минувших поколений, съемную квартиру, погрязшую в пучине холостяцкого хаоса, затхлого воздуха, обрывков разноперстных, выгоревших от солнца обоев, наклеенных в несколько, один поверх другого, слоев.

Ароматы табачного дыма и дорогого алкоголя, купленного на последние деньги, никак не могли добиться того эффекта, или дать, хоть на короткое время, чувство той детской радости и счастья от чуда, которое, так внезапно и вовремя, подарил дешевый китайский будильник.

Выйдя со ступора, временный хозяин дешевого жилья, протянул руку к журнальному столику за стаканом из рельефного стекла, но пальцы, нащупав первой пачку, автоматически выдернули из нее сигарету и бессмысленным ловким движением вложили ее в рот, следом, таким же рефлексивным, неуместно резким движением, потянулись шарить шероховатую, вскрытую лаком поверхность в поисках зажигалки.

Закуривая, он окинул взглядом стены, где вновь, рожденные огнем от зажигалки, заплясали тени, без малейшей капли мистики, являющие собой, лишь осточертевшее отражение бардака. Переведя взгляд на подсвеченный столик, он подлил себе вискаря и, взяв стакан в ладонь, погрузился в навеянные размышления об относительности ощущений, восприятий и о неразрешимой дилемме холодного стакана, так приятно остужающего кожу руки сейчас и так рьяно обжигающего внутренности его содержимым потом. Чтобы добавить эмпирических фактов к своим рассуждениям, он сделал глоток, подержал принятое во рту, анализируя нарастающий приторный огонь ароматного дорого спирта, и нехотя проглотил. Сделал вытянутый жест губами, причмокнул

и тут же сделал второй крупный глоток, опустошив им все содержимое рельефного сосуда.

«Как же надоела эта иллюзия, эта сплошная, вездесущая ложь – размышлял гость, втягивая очередную порцию дыма в свои легкие, – а как из этого выбраться непонятно.» Не то что бы он был глупее или хуже других, нет... Естественно нет. Непонятно было совсем не поэтому. Понять то, чего, по сути-то и не существует, невозможно, а выбраться из него – парадокс. И от этого факта становилось невыносимо досадно, горько и обидно. Как в детстве, когда тебя обидели старшие мальчишки. Обидели просто так, ради собственного самоутверждения в этой сложной реальности, и ты, озлобленный на всех и вся, идешь домой с сжатыми кулаками, фантазируя и рассуждая о справедливости, мести, возмездии, готовый, ради которых, продать душу хоть даже и самому дьяволу. Как же так? Ведь во всем, чему тебя учат школьные учебники, книги, фильмы и даже родители, побеждает правда, честность, порядочность и добро! Ложась спать, ты искренне веришь, ведь кто-кто, а родители не могли тебе лгать: завтра все будут наказаны по заслугам; завтра-то, точно, все ответят по закону за свои злодеяния... Днем следующего дня тебя оскорбляют и бьют все те же, все также, унижая достоинство, понижая самооценку, безнаказанно портят имущество и... И все. Им, не знающим законов, прописанных в книгах и учебниках, от этого самого незнания, все с рук и сходит. Просто их родители, в суете враждебно настроен-

ного бытия, забыли научить, не соизволили рассказать, не попытались донести своим дорогим и любимым чадам, как все есть на самом деле, как правильно, как должно быть... Сам за себя ты постоять не в силах, помощи просить не у кого: по дворовым законам, жаловаться взрослым страшный грех; старших братьев у тебя нет; твои мама с папой не водят дружбу с мамой и папой самого сильного старшеклассника на районе... И вот, тебя поглощает неумемная ярость и горькая обида, не столько от синяка на лице и, такой дорогой твоему сердцу, сломанной игрушки, сколько от беспомощности. Пустое место, слабак, бесполезное ничтожество в этом злом, несправедливом мире. Ты даешь себе обещание, что, когда вырастишь, будешь обязательно сражаться только за справедливость, за честность и добро. Обязательно, слышите?! Обязательно, станешь тем самым героем, воспетым в бесконечных литературных опусах. И вот уже начинаешь представлять, как наделенный сверхспособностями и отвагой, воюешь за правое дело, как искореняешь навсегда всех этих приспешников – сторонников зла и несправедливости, и, естественно, побеждаешь их одного за другим! Ты прям чувствуешь, как преуспеваешь, добиваясь в этом brave деле отличных результатов, а вместе с тем и весьма весомой, беспрецедентно признанной значимости в обществе. Подходя к своему дому и чувствуя скорую необходимость прервать столь утешительные и бодрящие грезы из светлого будущего, ты так ясно представляешь, как тебя убивают, те

самые, подлые, невероятно находчивые, в этом плане, недобитки, с которыми ты, к сожалению, не успел совладать и справиться вовремя. Особенно долго, ты смакуешь момент своего предсмертного падения... И тут, уже все без исключения, даже самые заклятые твои враги, скорбят о такой утрате. Устраиваются пышные похороны, на которых льются в твой адрес самые приятные речи, которые ты, мертвый, еще каким-то образом слышишь. Твои подопечные соратники и верные последователи, клянутся кровно отомстить за тебя и, конечно же, безжалостно мстят, ввиду чего, наконец, наступает эра абсолютной справедливости, честности и добра. О тебе сочиняют легенды, пишут героические новеллы, посвящают оды, в которых воспевают все твои дивные подвиги, пропитанные смелостью и отвагой. Тебе ставят памятники. Чуть ли не в каждом городе справедливого мира, называют твоим именем улицы, скверы и парки. А главное, учат на твоём примере следующее школьные поколения. Ведь только такими и нужно быть: справедливыми, честными, добрыми, покладистыми, а главное отважными, храбрыми и безжалостными, короче, один в один такими же, каким был ты. И только после всего этого, ты становишься бесконечно горд за себя. Только такой ход вещей, согревает твою детскую душу. Наконец удовлетворенный, миришься со всей «сегодняшней» несправедливостью, проглатываешь скопленные обиды и постепенно, не спеша, принимаешь действительность. Тебя не пугает, что стать героем можно только в результате соб-

ственной гибели, ведь это единственный возможный исход ради будущего общего блага и собственного бессмертия в славе и почести. И так, продолжая жить фантазиями о светлом грядущем, которое то только благодаря тебе, будущему герою, и настанет, твой детский разум постигает законы существования в этом, пока еще несправедливом мире и начинает к нему успешно приспосабливаться. Вскоре, уже ты, во главе своих преданных друзей, избиваешь слабого и ничтожного, забираешь его еду, ломаешь игрушку. Ведь ты – будущий герой, пример будущим поколениям, а таким слабакам как он, нет места в этом мире. Именно из-за таких как он и существуют несправедливость, зло, лож... Все из-за их слабости, ничтожности, неспособности постоять даже за себя. Как же они смогут постоять за будущий справедливый, четный, добрый мир?! Так и живешь: проглатывая обиду и унижения от коварных злодеев, наделенных силой и властью, но будто кремень, остаешься верным себе – прилагая все силы для достижения той заветной детской цели, достигнув которую, все увидят в тебе честного, справедливого и доброго героя, а для этого, в твоём непоколебимо устоявшемся мировоззрении, нужно упорно бороться со слабостью, ничтожностью и примитивизмом.

«Так вот медленно, верно, а поэтому, уверенно доживаешь до тридцати трех лет...» продолжал размышлять скорее гость, чем хозяин пустой квартиры, плеская себе очередную порцию алкоголя. Налив чуть меньше половины, он демон-

стративно поднял руку со стаканом вверх, чокнулся с невидимкой и залпом выпил. Его лицо, перекосившееся рефлексом на спирт с ехидной ухмылкой, выражало полную безысходность. Алкоголь, покотившийся горячей волной по пищеводу в желудок, наконец достиг необходимых точек воздействия и наделил своей искусственной энергией, заставив встать со старого, продавленного кресла и твердыми, целеустремленными шагами отправится к плотно завешенному окну.

– Может на улице хоть что-то изменилось? – произнес он вслух, резко дернув шторы в разные стороны.

На улице все было по-прежнему: дом напротив, с одиноко горящими окнами; двор – таких десятки сотен в каждом городе, где ни одного горящего столба и освещенного подъезда, иначе, стали бы видны, в фоне асфальтовых ям и обшарпанных стен, дорогие, ухоженные автомобили, стоящие на своих местах в мнимом порядке.

Он ощутил головокружение. Прилив энергии быстро иссякал, а бодрость и воодушевление сменялись слабостью. Голова налилась тяжестью, ноги – усталостью. Хроническое отравление таблетками не давало расслабиться даже в праздновании, вот уже наступившего, тридцать третьего года от собственного рождения.

«Тридцать три года... Как не крутить, срок для смертного организма немалый. Вопрос в другом, что мы имеем? Другие вон, свой бизнес успешный уже раскрутили, стали знаме-

нитыми и уважаемыми музыкантами, программистами, медийными лицами, а самые проворные, даже политиками. Как следствие – хорошие квартиры, дома в престижных районах, дорогие авто последних моделей, умницы жены и красавицы любовницы, таких же последних моделей, с которыми ездят поочередно на дорогие курорты. Наверное, жизнь у них удалась... С другой стороны, некоторые до тридцати трех даже не дотянули, где совсем не исключение и те самые – успешные, богатые и знаменитые. А многие, к «33» уже спились или скололись... Не ясно, какой ярлык повесить на эту категорию доживших. Успехом достижения их, вроде как, не назвать, но и к «лузерам», относить язык не поворачивается. Ведь эти люди всю жизнь прожили в свое удовольствие, «забив» на систему, обязанности, мораль... Делали что их душе угодно... Вот и опять, все упирается в относительное... Потому ненадежное, зыбкое, иллюзорное.

Мама вот, мне постоянно говорила, что быть наркоманом и алкоголиком плохо... Интересно, откуда она могла это знать? А самое интересное, что та же самая мама, мне говорила: «всегда побеждает добро и справедливость». Теперь же, с высоты аж тридцати трех лет, понимаешь в какой несправедливой, злой, унижающей реальности приходилось ей существовать всю свою жизнь, биться как рыбе об лед, вертеться, как белка в колесе, ради моего счастливого будущего, пускай даже и очень относительно счастливого, расплывающегося в тумане грядущего времени. Спасибо ей ко-

нечно! Умирала она от рака легких, в тяжелых муках, жадно хватая воздух, из последних сил втягивая его испорченными болезнью легкими, которые были уже не в состоянии обеспечить организм необходимым количеством кислорода. Наркотический эффект лекарств, позволявший не думать о лопающихся кожных пузырях на отекавших ногах, оставляющих после этого мерзкие раны; ломоте во всем теле, тошноте, отказывающихся органах, страдающих от дефицита кислорода... а главное не думать о постоянной нехватке воздуха... Могли ли наркотики согреть умирающий материнский разум так, как согревала его мысль, что у меня то, ее единственного дитя, все будет хорошо? Ведь она, пускай и за короткую жизнь, приложила все усилия и создала все условия, для моего толчка вперед. Тогда, мне было чуть больше двадцати, я был молод, дерзок и напорист, сиял здоровой легкомысленной жизнерадостностью и был уверен, что я не буду как они, мои примитивные «предки», не добившиеся в этой жизни ровным счетом ничего. Ведь, я первый в семье получал высшее образования... Да какое: будущий преуспевающий врач, нестандартно мыслящий во всех аспектах, впитывающий науку как губка... Ведь, я первый, тогда еще студент-медик, поставил матери этот страшный, смертельный диагноз, который после долгое время не могли окончательно подтвердить мои старшие собратья – именитые, титулованные врачи. В конце концов я, все же оказался прав! Как это не могло тешить моего тщеславия? Как это не могло быть предметом

гордости, с которой я в очередной раз хвалился о своем достижении очередному примитивному существу? А вот, если бы моя мать спилась или скололась, как те, ею призираемые «лузеры», не прожила бы она лучшую жизнь? Не помогали бы наркотики, как помогали они во время болезни, не чувствовать всю тяготу, ложь и несправедливость жизни? Могла бы она тогда жить в свое удовольствие, дышать полной грудью, не избивая свое тело ежедневными проблемами как рыба об лед? Могла бы не изматывать организм бессмысленным кручением беличьего колеса? Возможно, перед смертью она вспоминала бы яркие картинки из своей насыщенной угарами и праздниками жизни, а не тешила себя мыслью о том, что ее чадо будет жить лучше, чем прожила она? А она думала обо мне в последние минуты жизни, я уверен. Думала о том, что она успела мне дать, как воспитать, чему научить: добру, справедливости, честности... Она учила меня этим закоренелым «правдам», а видела ли она их сама в живую, ощущала ли на себе? Что-то я очень сомневаюсь... А еще, я не верю, что она могла мне врать. Врать так же нагло, как нагло врали ей. Не могла она учить меня честности и тут же обманывать сказками про «Деда Мороза», «Боженьку»... Боженьку ладно, она могла и не знать. А вот про деда мороза она знала наверняка и все же обманывала, заставляя, самого быть честным... Может быть, это и стало причиной меня такого? Хотя вряд ли, я же всегда знал, что она не желала мне зла, ее просто заставляли учить меня честности и тут же

врать, внушая ей точку зрения – «во благо», как ввали во благо ей, те самые, которые и заставляли... Сложная, но какая слаженная у них схема... Она жертва, такая же наивная жертва, как миллионы других...

Мать прожила непростую жизнь и была наказана мучительной смертью. За что? Но в любом случае, она перебралась далеко за тридцать три. А я только достиг этой точки и как далеко смогу уйти от нее, большой вопрос. Вот потому-то, со сто процентной уверенностью заявляю, настоящие лузеры не пропащие алкоголики и наркоманы, а такие как моя мать, такие как я: глупые и наивные жертвы грандиозного обмана, апофеозной лжи старательных умельцев, находящихся за кулисами, тщательно оберегающих свои тайны, позволяющие им веками пользоваться своей послушной биомассу.

Вот еще один, довольно интересный персонаж, застрявший на отметке в тридцать три – Иисус Христос. К какой группе отнести его?

Может быть к успешным? Да ну... Не шутите так! К успешным можно отнести всех тех, кто грамотно воспользовался его именем. Наиболее проворные «успешники» умудрились построить успех даже на его наивных взглядах и убеждениях, ловко внушая их другим, а потом пользуясь ими в виде той самой послушной биомассы, находясь при этом за кулисами... Хм... А в чем был успех самого Христа? В голоде и нищете? В рваных, поношенных одеждах и

стертых ногах – как результат нелегкой борьбы с десятками километров, преодолеваемых ради просвещения, просветления и облагораживания тех самых, от рождения злых и глупых людей, уставших от лжи, несправедливости, озлобленности себе подобных... И все ради чего? Их светлого будущего?! Бескорыстие и альтруизм преследуется по закону... По закону эволюции! А может быть его успех в том, что его как в музее насекомых, вывесили нагого, ловко прикрепив экспонат к деревянному кресту, всем в нареkanie и потеху? И этого он уже добился в свои тридцать три года! Кто из нас дожил до этого возраста, наверняка понимают, как это успешно... А ведь главный кумир, самой крупной в мире религии, мог так же, как многие до него, вовремя него и после его успешного ухода, заливать свой мозг алкоголем или пропитывать парами опиума, марихуаны и других, ныне запрещенных, веществ. И самое интересное, с большой вероятностью, прожил бы гораздо дальше своих тридцати трех. Да, он был бы маргиналом в глазах «успешных». Возможно, он был бы призраемым «лузером» для тех, кто является на самом деле настоящим «лузером», но уж точно, не пополнил бы их ряды... А так имеем, что имеем.»

Хозяин съемной квартиры долил остатки напитка, не скрывая пьяного удивления от такой скорой кончины содержимого дорогой бутылки. Алкоголь только начинавший выполнять свои прямые обязанности, погружая в мир сладких грез и вырывая из цепких лап пессимизма реалистической

утопии, тут же закончился. Все естество требовало продолжения банкета, категорически отказываясь принимать абсолютно патовую финансовую составляющую этого мероприятия.

– Скотч, это очень уж хитрый предмет... всякая вещь... или есть или нет... а скотч я никак не пойму в чем секрет, если он есть... то его сразу нет – в голубоватом свете будильника, опустив пустую бутылку под стол, он, с наигранной грустью в голосе пытался попасть в такт монотонной китайской мелодии, пропел детскую песенку, несколько исковеркав ее под личную ситуацию.

«Час ночи... Еще пять часов и мне будет ровно тридцать три года. Мы вот-вот и станем ровесниками с самим Христом.»

– Теперь вы меня сможете распять официально! – зачем-то выкрикнул он в пустоту темной квартиры.

«В отличии от рок-звезд, быть ровесником Иисуса выгоднее на целых шесть лет. Быть распятым кем-то в тридцать три, все же не так глупо и бессмысленно, как наложить на себя свои же собственные руки в двадцать семь... Интересно откуда появилась у рок-звезд такая мода? Возможно, кто-то из них понял, двадцать восемь тот самый возраст, в котором все бунтарские позывы отмирают, оставляя после себя лишь старческий, эгоистичный рационализм... Сколько их сейчас, сморщенных и обрюзгших доходяг, давным-давно предавших все рок-идеалы, но по наитию или от жажды ба-

нальной наживы, до сих пор пудрящих мозги лживыми лозунгами в своих однообразных песнях? Стыд и срам. Вся эта рок-музыка далека от свободы, правды и честности, а почти все ее герои обычные самодовольные, лживые лицемеры... Надо отдать им должное: они менее лживые и лицемерные относительно остальных... Относительность...»

Откинувшись на спинку, расслаблено утопая в кресле, он начал вспоминать прочитанное, уже в такой далекой юности, интервью с одним из своих рок-идолов, в котором тот откровенно признавался, что ненавидит мотоциклы из-за невыносимого запаха горелого на двигателе масла и, к тому же, искренне верит в Бога. Он вспомнил, как именно тогда, в его еще несформировавшийся, легко программируемый извне, юный мозг, наконец вкрались первые сомнения. Тогда было до невозможности сложно понять, как можно так убедительно петь о свободе, постигаемой лишь верхом на железном коне, и ненавидеть этих самых коней? Как можно петь о зле, антихристе, дьяволе и верить в Бога – предавая и тех, и этих? Не высшая ли это форма лицемерия? Но как бы там ни было, ему все равно не хотелось принимать того факта, что существует обман. Обман тотальный и вездесущий. Он думал, а скорее очень хотел так думать – это единичный случай и все остальные «герои», которые формировали его «взрослое» мировоззрение, не такие, все они обязательно честные и уж точно поют о свободе, противостоянии и дьяволе – искренне. И вот понадобилось прожить 32 года, чтобы оконча-

тельно понять: всё то, о чем так искренне пели рок-звезды до 27 и лживо, но убедительно после – иллюзия. А, следовательно, понять такую простую и вероятно единственную истину этой жизни – все обман и ложь.

Вот ему, без пяти часов, тридцать три, он ровесник самого знаменитого персонажа – Христа. Значит, кто-то в 33 года смог добиться того, чтобы на протяжении двух тысяч лет оставаться самым знаменитым и обсуждаемым человеком. Более того, от даты твоего рождения, исчисляют новую эру, по сути, делая тебя ее причиной.

«Чего добился я в свои 33? Общего с Христом хоть отбавляй: нищета, наивность, призрение и отвращение, исходящие от большинства сытых окружающих... Единственное, что нас отличает – он в тридцать три укрепился в своих идеологии и убеждениях настолько, что пошел проповедовать, навязывать их другим; а я вот в свои тридцать три полностью утратил всякие идеологии, убеждения и даже веру... Веру не в Бога или дьявола. Нет. Обычную веру в людей, ценности, государство, завтрашний день...

Жаль, оптимисты меня не поймут, ведь, по их убеждению, необходимо смотреть на мир позитивно, на лишения положительно, а на вещи заинтересованно и вожделенно. Только тогда ты сможешь стать счастливым человеком, а по совместительству и полноценным болтом в системе. Не болтиком! Болтом!!!

Например, утрату веры нужно рассматривать только как

приобретение. Те, кто верят, они что? По рукам и ногам скованны цепями морали и предрассудков. Ты же со своим безверием свободен от таких глупостей и, как ответственный болт системы, вполне можешь пригодиться в борьбе с нарастающим демографическим кризисом, нанизывая на себя не одну гайку, а разные – параллельно компенсируя растущий на рынке недостаток болтов.

Если так задуматься, я к своим тридцати трем обзавелся немалым количеством приобретений. Взять хотя бы мое основополагающее, так сказать жизнеобразующее, высшее медицинское образование. Мне с ним несказанно повезло, ведь многие люди могли бы только мечтать о таком. Некоторые платят за него немалые деньги, тратят многие-многие годы, а я вот обзавелся им абсолютно бесплатно и всего за каких-то семь лет. И оно, мое образование, подарило мне еще одно очень важное приобретение – работу. Злые языки пессимистов лепетали бы о том, что моя работа никому по большому счету не нужна, функций своих она давно уже не выполняет, польза от нее мизерная и несущественная, она не более чем единица давно прогнившей, неэффективной системы. Но давайте оставим это на их пессимистической совести, ведь я знаю точно – без меня, «полноценного Болта», никак не обойтись, ибо несу я пользу и здоровье людям... В том, что это происходит за копейки, пессимисты видят лишь подтверждение своим словам, т.е. отсутствие спроса во мне с моей профессией. Но нет, просто на самом то деле, я, как и

сотни тысяч моих коллег, правильно воспитан семьей, школой и университетом, а потому – гуманист и альтруист, до мозга костей.

Мое бесценное приобретение – работа, дала мне не менее ценное приобретение – долги. Ведь только благодаря жизни в долг я смог позволить приобрести себе семью и обеспечить ее: жильем, дающим чувство уюта, «крепости» и «крыши над головой»; хоть и дешевым, но все же своим, транспортом, так облегчающим малоподвижную жизнь и дающим преимущество в комфорте относительно менее успешных болтов и гаек; мебелью, электроникой и утварью, дающими возможность удовлетворить элементарные потребности организма и соблюсти правила личной гигиены.

Теперь то, под оптимистическим углом зрения становилось очевидным, лишь эта неразрывная сцепка из образования, работы и долгов делали меня таким неотъемлемым членом общества. Таким необходимым для таких же необходимых и неотъемлемых членов, которые могли вылечить, выучить, полететь в космос, могли построить танки и победить в любой войне. И все это абсолютно бесплатно. А если уж очень нужно, то за свои, пусть даже взятые в долг.

И все приобретения из сцепки, как бы заслуживают одобрения, и вполне дают повод, быть далеко глядящим вдаль оптимистом. Все так, если бы не одно приобретение, которое забрало из твоей жизни кое-что важное. Настолько важное, что это даже не часть организма, вырезанная из тебя

оперативным путем. Это «одно», забрало самое дорогое для тебя – семью. И как не старайся, нельзя в этом увидеть положительные стороны... Погрязший в долгах, нищий, пропитанный лекарствами полуинвалид, ты не нужен даже измученным дефицитом внимания «гайкам». И не нужен будешь им в таком нынешнем своем состоянии, даже в связи с возникшим кризисом болтов на рынке. Как и не нужен никому в принципе. Если ты не можешь выполнять, пускай даже бессмысленную работу и быть хотя бы немного кредитоспособным, то ты не иначе как обуза, тяжкий груз, от которого «нужное», современное и совершенное общество, всеми силами стремиться избавиться... Бесплатные медикаменты, вероятно, очень пособничают в этом стремлении».

Он вспомнил как его многие отговаривали, внушая, что поступление в медицинский ВУЗ – ошибка. Медицина в нашей стране не на высшем уровне и, если ты не проворный, лишенный всякого достоинства, чести и морали человек, делать там абсолютно нечего. Он не слушал, как не слушал и тогда, когда пришло время выбирать профессию. Родственники переживали, друзья не понимали: зарплата нищенская, вероятность дополнительных доходов и взяток – нулевая, а опасность для здоровья – зашкаливающая. Единственный, и то очень сомнительный, плюс – эпатаж и бахвальство. «Не в деньгах счастье», «Светя другим, сгораю сам», «Двум смертям не бывать, а одной не миновать» – выпаливал ты заготовленные ответы, позаимствованные у мудрого народа, на

все напутствия и опасения со стороны окружающих. Наконец, все смирились с твоим выбором. Все, кроме жены, которая понимала и принимала угрозу явственнее и ближе других, ведь в случае чего, это коснулась бы не только тебя, а и ее, ваших детей. И ты внемлил ей, был осторожен насколько это представлялось возможным. Каждая ежегодная медицинская комиссия и полугодовой рентген грудной клетки были как прогулка по минному полю. Все обходилось, ты был здоров как бык, рвущийся в бой за нищенскую зарплату, но за богатые обещания и перспективы, которыми грамотно тебя мотивировали. Ты же, в свою очередь, вместо напичканных пестицидами, трансжирами, ГМО и прочими отравами продуктов, кормил здоровыми обещаниями и свежими перспективами свою семью. Все были счастливы в этой сказке, созданной в бесконечном цикле нищего, но такого постоянного благополучия. Там все было ясно: завтрашний день предвещал вчерашний и в этом грезилось счастье.

Началось, или правильнее будет сказать – закончилось все, ровно за год, как он должен был стать ровесником Христа. Здоровый дух, отсутствие жалоб и симптомов некоторое время позволяли не верить в навязываемый диагноз. Подбадривало и то, что он сам, в силу своей профессии, часто встречался с медицинскими ошибками. Когда же, отрицать очевидное было уже невозможно, так как все объективные факты подтверждали диагноз, радовался, что болезнь на сегодняшний день не смертельна и успешно залечивается. Дол-

го, нудно, токсично, но излечимо. Он согласился на удаление пораженных тканей, когда возникла в этом необходимость, отважно все перенес и выдержал, только бы скорее вернуться в стены родного дома, к любимой семье. Но не учел он главного – это социально значимое заболевание. Каждый день встречаясь с этой болезнью на работе, только попавши в шкуру больных, видишь картину целиком; только тогда видишь, насколько все это серьезно и страшно. И весь ужас не в страхе перед смертью, а в том социальном отчуждении и вынужденной изоляции от мира, с которыми приходится сталкиваться. По сути, тебя лишают пусть, мнимой и относительной, но, свободы, которой ты располагал или скорее грезил, как и счастьем, в своем зацикленном и, якобы здоровом, благополучии. Лишенный своей вчерашней свободы, ты автоматически лишаешься права стремиться заполучить, или как это называется еще, заработать ценности заключенные в слово «деньги». Отсутствие на твоих банковских счетах цифр, символизирующих эти самые деньги, часть из которых ты мог получить в виде плотной бумаги, лишает тебя возможности платить по тем долгам, за которые ты мог «жить», хоть как-то отличаясь от животного. И вот ты, носитель потенциально опасного заболевания, пропитанный таблетками, от которых плавятся мозги, разлагается печень и выворачивает желудок, – безнадежный должник, а от того вечный униженный попрошайка. Лишенный свободы, униженный и отвергнутый обществом, уверенно теряешь чув-

ство собственного достоинства, Наверное, именно тогда и переставая окончательно, быть «полезным членом общества». Твоя семья, так же, как и ты, воспитанная в лучших традициях полезных членов, не может морально от тебя отказаться. Но действительность не обманешь. Общественное мнение, взращённое рекламой и средствами массовой информации, делают свое дело, заставляя еще «здоровых» жить дальше, чувствовать свое циклическое счастье, стремиться в светлое будущее, стучась об лед и раскручивая до максимально возможных скоростей беличьи колеса. И вот, ты даже не понимаешь, как оказался по ту сторону жизни. Не понимаешь, как и почему стал живым трупом, врагом общества, ради которого, совсем недавно, только лишь за идею, так рьяно горбатился изо всех сил.

Тогда ты, мотивируемый неудовлетворенным чувством во Вселенской справедливости, собираешь последние силы и пытаешься бороться за семью, за себя, за свои права, за свои свободы. Но натыкаешься лишь на мощную машину общественного лицемерия, в виде своеобразной гуманной толерантности, участия, сочувствия: тебя все слушают, улыбаются, советуют, некоторые даже обещают разобраться. Кто-то, (видимо сильно обременённый нормами морали, чаще – закона) заходит совсем далеко, делая вид что разбирается, впоследствии подкрепляя свои действия положительными результатами на бумаге. На самом деле, тебе неоднозначно стараются дать понять: ты уже лишний среди нас – отработан-

ный биоматериал, несущий скрытую, смертельную угрозу, как гниющая ткань, нуждающаяся в скорейшем удалении и последующей утилизации. На тебя обрушивается пресс фашизма – глубоко засевшего на уровне генома, в виде агрессивного, хоть и тщательно завуалированного, социального дарвинизма.

В бессмысленных боях за придуманную справедливость, твой внутренний мир переворачивается с ног на голову, что становится последней каплей для твоей терпеливой семьи. Только тогда, заглядывая в уставшие, проплаканные глаза жены, ты все понимаешь: так продолжаться больше не может. Жена и дети ни в чем не виноваты, ты не должен больше их мучать, тянуть на самую обочину. Они должны жить в том, пускай для тебя теперь и очень относительном, но все же привычно уютном мире, в бесконечной, зацикленной погоне за счастьем. В откровенной беседе, твое решение освободить их от своего груза, они благодарно поддерживают, при этом виновато пряча глаза.

Собирая вещи для переезда в наспех найденную, максимально дешевую, квартиру, ты, стиснув зубы, обещаешь приложить все усилия, чтобы наконец открыть миру глаза на всю тотальную ложь, на полную иллюзорность и относительность бытия. Здесь каждого обманывают с пеленок, впихивая с материнским молоком иллюзию правды, честности и благополучия. Все они, живут в сладком неведении того, что происходит на самом деле. Здесь все совсем не так, как учили ро-

дители, школа, телевизор. Ты смог это понять, потому что тебя жизнь загнала в угол, позволив тебе прозреть, проснуться, увидеть все в корне. Теперь ты должен помочь в этом разобраться другим, пока еще не стало поздно.

Китайский будильник, с множеством ненужных функций, осветил комнату слабым голубоватым свечением, заставляя все волосы на теле вставать дыбом, а кожу делаться «гусиной». Мистика и чудо на сей раз были не в причудливых тенях, расползающихся по стенам и потолку, а в фальшивой монотонной мелодии: happy birthday to you... happy birthday to you... happy birthday to you...

Он прищурил глаза для того, чтобы разглядеть черные цифры. Будильник, как бы напоминая, показывал 3:00.

– Вот же китайцы! Все просчитали... молодцы... спасибо! – воскликнул он и оглядывая восторженно стены, которые так тяготили его последние месяцы, не давая заниматься просвещением всего мира, твердо решил. – «Это все не просто так... Даже дешевый китайский будильник поздравляет меня с тридцатитрехлетием... В этом мире не бывает случайностей... Христос, видимо, тоже прозрел только в тридцать три, пусть и проповедовать начал, аж на три года раньше...»

Размышляя какие пережитые печали и горести сподвигли Иисуса Христа заняться своей нелегкой просветительской деятельностью, которой он в результате, пускай и ценой собственной жизни, изменил мировоззрения неисчислимо-

го количества людей, он погрузился в сладкий сон, о чем могла стопроцентно свидетельствовать счастливая улыбка на его, до того угрюмом, лице.

2.

Настойчивые звонки в дверь, раздражающие каждую клетку мозга, не исчезли даже после пробуждения. Пытаясь понять, сколько он проспал, а судя по сонному и еще довольно хмельному состоянию – не долго, он, сильно прихрамывая на левую ногу, поковылял к двери. Мимолетно брошенный взгляд на будильник отпечатал в сознании 05:46. Сновидение, в котором и начали трезвонить в злополучную дверь, уже никак не вспоминалось, но на момент пробуждения, оно казалось таким приятным и красочным, что выходить из него было сущей мукой.

– Кого черт принес в такую рань? – подходя к двери, немного оступившись на большую стопу, жилец громко выругался.

Связка из минимум десятка ключей, половина которых уже давно ничего не отмыкала, грузно свисала с металлического кольца, продетого, в самый массивный ключ, торчащий из замочной скважины. Не глядя в «глазок», он провернул замок, громко позвякивая грузной связкой, что, вероятно, было услышано пришедшим, так как навязчивые прерывистые звонки прекратились. Распахнув дверь, он увидел неестественно стильно одетого седовласого мужчину, стоявшего оперившись на трость. Недовольную гримасу на лице сменило удивление и сонный, несколько опешивший, хозя-

ин квартиры наконец смог выдавить из себя:

– Чем обязан?

– Мое почтение, – произнес пришедший, приложив руку к груди и еле заметно склонив голову в поклоне. – Я, старый друг вашей семьи. Вероятно, ты меня уже и не помнишь, но, когда ты был совсем маленьким, мне порою подолгу приходилось гостить у вас. Приезжая в ваш город по личным делам, мне было больше негде остановиться, а твои родители, за что им вечная благодарность, учтиво меня терпели.

– Как вы меня нашли? – с еще большим недоумением спросил хозяин жилища, которому происходившее, из-за своей нелепости, вдруг показалось продолжением сновидения.

– Приехав спустя много лет в ваш город, я решил навестить старых знакомых. Тем более, что есть повод – день твоего рождения. Но все оказалось не так просто и мне пришлось потрудиться, чтобы найти хотя бы тебя. Я ошибся?

– Смотря в чем, – с нарастающим недоверием и агрессией ответил взъерошенный после сна хозяин.

– В том, что у тебя сегодня день твоего рождения? – удивленно пояснил пришедший. – Могу я войти?

– Пожалуйста – отойдя с прохода, совершил приглашающий жест рукой виновник торжества.

Гость, гордой походкой уверенного в себе человека, не разуваясь, быстро прошел в квартиру и тут же начал хозяйничать. Распахнув шторы обеих окон в квартире, он подтащил

старый стул к журнальному столику, обтер рукой сиденье, как будто опасаясь запачкать дорогой белоснежный костюм и спешно уселся. Создавалось такое впечатление, что он был здесь как минимум частым, очень ожидаемым гостем, а то и вовсе, пришел к себе домой. Ловким движением вынув из внутреннего кармана пиджака плоскую двухсот пятидесяти миллилитровую бутылку коньяка, он с грохотом поставил ее на стол и с сияющим от радости добродушным лицом произнес:

– Найдется посуда и для меня? Скорее... Не успеем – быстрым движением он посмотрел на ручные часы и добавил – Уже, без семи шесть.

Хозяин квартиры вспомнил что ему сегодня исполнилось, а точнее исполнится через семь минут, тридцать три года. Он никак не мог прийти в себя и сообразить, что собственно происходит, кто этот человек и самое главное, откуда он знает, что в его медицинской карте стоит время рождения 6:00?

Жмурясь от наполнившего комнату дневного света и ковыляя к кухонному столу за чистым стаканом для гостя, он пытался вспомнить всех друзей семьи из детства. Но никак не мог припомнить человека, который хоть малейшим образом напомнил пришедшего. Это насколько хорошо нужно было знать семью, чтобы помнить не только дату рождения, но и время?

– Что с ногой? – услышал он в спину, когда тянулся в верхний шкаф кухонного гарнитура за чистым стаканом.

– Разрыв сухожилия – с большой неохотой пояснил причину «новорожденный», возвращаясь к журнальному столику с тарой для гостя. – Осложнение от медикаментов, – дополнил он ответ и опершись обеими руками на ручки, грузно уселся в кресло.

– Никогда бы не подумал, что таблетки способны разрывать сухожилия, – удивленно подняв брови поддерживал тему гость, отвинчивая пробку с бутылки.

– Все таблетки: одно лечат, другое калечат, – шаблонной фразой пытался поставить точку в поднятой теме, разочаровавшийся в медицине медик.

– Это – известный факт, но что бы рвать сухожилия? Признаться, для меня это новость!

– Мне кажется, фармацевтические корпорации специально выпускают такие лекарства, которые лечат одно, калечат другое. Теперь, я вынужден покупать лекарства для устранения побочных эффектов, а это, как никак, большая финансовая выгода для них и, к сожалению, неподъемные траты для меня. – Сонливость уже отступала, на место ей приходила чистота мыслей, принуждающая к пессимистическим рассуждениям в присутствии незнакомого гостя, вероятно с целью произвести на него впечатление. – Или вот, многие таблетки нужно пить длительное время, а то и всю оставшуюся жизнь... Кто-то работает в другом направлении? Кто-то, интересно, разрабатывает такие лекарства, которые способны вылечить человека мгновенно? Уверен, что нет. Вряд

ли фармацевты готовы получать колоссальные убытки, если люди начнут выздоравливать от той же простуды за какой ни будь час, а не, как принято, за неделю.

Коньяк был разлит равными порциями по стаканам, на будильнике было 05:59. Они взяли стаканы в руки и символично, словно в новогоднюю ночь, дождались 06:00.

– Поздравляю тебя с очередным прожитым годом жизни, за который ты, я более чем уверен, набрался еще больших знаний и опыта, – приподнявшийся со стула гость, стал на распев произносить довольно необычный тост. – Пускай мы, по сути, знакомы несколько минут, я уже успел оценить твой специфический ум, наделенный способностью мыслить нестандартно, вероятно, улавливая в жизни то, что ускользает от многих других. Сегодня, тебе исполнилось тридцать три года. Мне кажется, именно эта дата, некий переломный момент жизни, когда молодой человек превращается в настоящего мужчину. Поэтому я, желаю тебе, жить и здравствовать уже в новом статусе. Желаю и дальше развивать свои способности, используя в дальнейшем их исключительно с максимальной выгодой, но, не только для себя... Давай так? Для всех! Не желаю тебе удачи, так как искренне убежден, что удача необходима только неудачникам. Я, желаю тебе, абсолютных успехов во всем и, с этого момента, готов приложить все усилия, чтобы всячески тебе в этом поспособствовать! Как говорится, за тебя!

Со звоном соприкоснувшись стаканами, они выпили до

дна, поморщив лица.

– Спасибо, конечно, за такой тост, но вот в том, что я удачник, большое сомнение. Так что удача бы мне тоже не помешала, – смущенно заулыбался юбиляр, меняясь в настроении, которое подымалось благодаря хоть такому празднику, устроенному в его честь. Коньяк был великолепен и поэтому желание закусывать его отсутствовало, в противном случае это было бы делать попросту нечем. – Приношу извинения за отсутствие праздничного стола. Холодильник не то, чтобы пуст, в моем скромном жилище, его попросту нет. Так что, вот так...

– Да и ладно. Мой желудок совершенно не приучен принимать пищу в такую рань. А относительно удачи, не стоит себя недооценивать, – напутственно сообщил гость, разливая по стаканам коньяк. – Кстати, совсем забыл, у меня же есть подарок для тебя, но вначале еще выпьем.

И они выпили, после чего незнакомец достал что-то из внутреннего кармана пиджака и протянул это, уже полноценному, тридцатитрехлетнему мужчине. Пробурчавши: «Благодарю!», полноценный мужчина, принялся вертеть в руках и внимательно рассматривать подаренную визитку с красочным приглашением, на день собственного рождения, в какое-то VIP заведение. Больше внимания, он пытался уделить визитке, оформленной довольно с тонким вкусом: на нее было не только приятно смотреть – выполненная из качественного материала в насыщенном черном цвете с теснен-

ными золочеными буквами в готическом стиле; но и невероятно приятно держать пальцами из-за специфической, как бы бархатной, поверхности. Имя с фамилией, указанные на карточке в памяти не рождали ни малейшего воспоминания, что уж говорить о названии толи клуба, толи организации. «Белый ягуар». Из всей полученной информации, он наспех сделал вывод, что перед ним, в белом костюме из дорогой ткани, покручивая трость в руках, сидит генеральный директор этого самого белого ягуара.

– Согласен, скромно... – прервал размышления гость, – Но, как говорится, главное не подарок, а внимание!

– Вы автомобили продаете? – озвучил свою первую догадку, обладатель приглашения, на празднование собственного дня рождения.

– Ни в коем случае! Лично ко мне и организации, указанной на визитной карточке, никакие автомобили, в особенности схожей по названию марки, никакого отношения не имеют. Мы занимаемся более глубокими и современными технологиями, – несколько помявшись, он продолжил, сладко причмокнув губами. – Кстати, я готов возразить относительно твоего возмущения по поводу, как бы, бездеятельности человечества в разработке альтернативных методов лечения. Я могу тебя заверить, что все эти области исследуются и довольно успешно. Если ты будешь столь любезен и согласишься, так сказать, прочувствовать на себе наши успехи, уверен, ты останешься крайне удивлен, а главное, очень доволен на-

шей работой.

– Получается вы занимаетесь медициной?

– Сказать, что мы занимаемся медициной, я тоже не могу, – расплылся в добродушной улыбке гость, белизна зубов которого, будто была подобрана в тон его костюму. – Мы занимаемся разносторонним исследованиями и разработками, двигаясь несколько другим направлением, но объяснить все в трех словах, уж точно, не получится. Надеюсь, ты согласишься на мое скромное предложение, отметить день своего рождения в месте, указанном в приглашении. Познакомишься кое с какими людьми, а там уже и обсудим дальнейшие вопросы, которые касаются в том числе и нашего проекта.

– Моя жизнь в такой, извиняюсь, жопе, что терять мне абсолютно нечего и я был готов согласиться на любое, да хоть бы и от самого дьявола, предложение. А на такое многообещающее, я соглашусь без малейшего промедления.

– Вот и договорились – обрадовался гость.

– Я не увидел в приглашении времени, к которому нужно быть на мероприятии по поводу празднования моего же дня рождения.

– Поскольку ты принял мое скромное предложение, мероприятие начнем в шесть вечера. По-моему, так нам удастся сохранить некий символизм происходящего и еще больше подкрепить сие действо мистической толикой праздника, делая его, так скажем, по-детски – волшебным. Возможно, для тридцатитрёхлетнего мужчины в расцвете сил все эти

глупости излишне, но поскольку я вижу исключительно гнетущие положения вещей, окруживших тебя со всех сторон, в мои обязанности просто входит приложить максимум усилий по реабилитации тебя и начну я, по своему усмотрению, с организации такого вот «детского» праздника. И пусть грянут фанфары, ведь этот день, станет воистину твоим новым рождением. Пускай и рождением из... Извиняюсь конечно, но это твои слова... Рождением из жопы! – захохотал директор, краснея щеками, тем самым вдохновляя юбиляра своей жизнерадостной уверенностью и харизмой.

– Боюсь только, что я совершенно не представляю где это место и, стыдно признаться, у меня нет и копейки на проезд.

– Я все предусмотрел, поэтому за тобой ровно в 15.00 придет машина, которая и доставит прямиком к месту назначения, – успокоил гость, разливая остатки коньяки по стаканам. – Главное, ты согласился, все остальные вопросы решаемы. Признаться, думал ты будешь не столь сговорчив... Еще раз за тебя!

Они выпили еще раз. Хозяин квартиры, чувствуя, как алкоголь на голодный желудок поработает его мозг, выводя из строя измотанное болезнью тело, беспомощно откинулся назад и глубоко утонул в кресле. Гость, поглядывая на часы и причмокивая губами, поднялся со своего места, давая понять, что ему пора:

– Прошу позволения откланяться, дабы отправиться дальше, улаживать, так сказать, бесконечные дела. Отдыхай, на-

брайся сил. Вечер обещает быть насыщенным, ведь я лично, очень в этом постараюсь.

– Если не сдохну, – зачем-то, впал в полный пессимизм юбиляр. – Как вы все же меня нашли?

– С трудом – улыбнулся седовласый мужчина, стоявший теперь в полный рост, аккуратно напротив него, давая тем самым возможность как следует себя рассмотреть. Сглаженные, плохо запоминающиеся черты лоснящегося лица, изрезанного редкими, но глубокими морщинами, вселяли добродушное отношение к этому видевшему жизнь, доброму человеку, а его эстетически правильно посаженные, немного прищуренные голубые глаза, наполненные твердой уверенностью, пониманием и заботой, внушали доверие. Идеально зачесанные назад седые волосы позволяли сделать вывод о щепетильном отношении к своей внешности, закреплённой в многолетнем поддержании собственного, подчеркивающего статус стиля, чему соответствовал и идеально белый костюм, сидевший как влитой на статной фигуре. Пальцы левой руки, посредине украшенные массивным перстнем с красным камнем, грациозно играли в воздухе черной тростью с серебряным набалдашником в виде головы ягуара, а на запястье этой же руки, свободно свисал золотой браслет с классическими часами. Единственной вольностью, позволенной в этом строгом стиле, были расстёгнутые верхние пуговицы на белоснежной рубашке. – Поиск, признаюсь, заставил подсуетиться. Но, как говорится, ничего невозможного

в этом мире нет! А сдыхать, ты пока погоди, это дело нехитрое... Успеется. Времена, я понимаю, у тебя не простые, – он полез во внутренний карман и достал белый кожаный портмоне – Вот...

– Не стоит! – руководствуясь отчасти стыдом, отчасти правилами этикета, запротестовал уже созревший, но так и не добившийся успеха мужчина.

– Давай-ка, отдохай – остановил его жестом руки щедрый гость, к тому времени доставший из своего портмоне крупную купюру, и стал озираться в поисках, где эту купюру оставить. Для денег нашлось место в прихожей, где он их и положил на тумбочку для обуви. – Автомобиль будет в три по полудню. Они там зайдут, если что, разбудят. До встречи!

– До встречи! – автоматически повторил любезность хозяин квартиры.

Закрыв за гостем дверь, он проковылял к дивану, который являлся единственным полноценным местом для сна уже на протяжении последних семи-восьми месяцев, бухнулся на подушку и зарылся в одеяле, пододеяльник которого давно нуждался в стирке. Нахлынувшая волна мыслей, запущенная только что пережитыми впечатлениями, быстро разбилась о волнорез глубокого сна.

3.

Настойчивые звонки, раздающиеся со стороны входной двери, и в этот раз, оказались совсем не продолжением сладкого сна, красочные картины которого, мозг продолжал смаковать, невзирая на то, что пред глазами уже предстала серая реальность закопченного потолка, а в нос, ударила вонь засаленного пододеяльника.

С большой неохотой ковыляя к двери, хозяин квартиры пытался сопоставить все факты реальности и грез сновидений, дабы понять, посредством постепенно растормаживающийся от сна нервной системой, что есть правда, а что вымысел. Самым острым вопросом, просыпающегося сознания, стал вопрос вполне очевидный: был ли тот прошлый раз, такого же навязчивого требования открыть дверь; был ли тот таинственный седовласый «друг семьи», появление которого, дало хоть какие-то надежды в этой страченной жизни. Позванивая ключами, чтобы открыть дверь, голова интуитивно повернулась в сторону места, где гость, по смутному воспоминанию, оставлял крупную сумму денег одной купюрой. Волна разочарования и горькой досады пронзила человека так, как это могло бы произойти в случае осознания, что ты находишься в падающем самолете, у которого полностью отказали двигатели.

Преодолев острое желание послать всех пришедших по-

дальше, не открывая им дверь, он, наконец, провернул несколько раз ключ в замочной скважине и распахнул дверь. Перед его глазами встала странная картина, родившая некоторое чувство дежавю, с разницей лишь в том, что перед ним стоял не седовласый старец, а подобный вышеупомянутому – молодой человек. Сходство было удивительное: костюм, трость, зализанные назад светлые волосы... От всего увиденного, волосы самого открывшего, подгоняемые толпами, разбежавшимися по всему телу «мурашек», встали дыбом.

– Чем обязан? – поинтересовался дрожащим голосом, в очередной раз ошарашенный, хозяин квартиры, совершенно не понимавший, как себя вести дальше.

– Мне назначено на три, – ровным голосом пояснил зализанный юноша. – Меня заверили, вы в курсе.

– Да-да... Проходите... – любезно пригласил обескураженный, но постепенно приходящий в себя приглашенный, на день собственного рождения.

– Спасибо. Я лучше подожду в машине, – не менее любезно, отказался пришедший. – Она стоит сразу у подъезда.

Затворив дверь, хозяин съемной квартиры, тут же упал на колени и стал лазить по полу в поисках отсутствующей на месте крупной купюры. Заглянув под старую тумбочку, внутри которой хранил обувь и грязные носки, он обнаружил на полу, завалившуюся на ребро купюру, вероятно, задутую сюда сквозняком. Быстро схватив ее резвым движением и скомкав в кулаке для того, чтобы она не так хорошо в следующий

раз планировала в воздухе, бросил на журнальный столик, доковыляв до кресла. Нога сегодня ныла особенно сильно, разряжаясь острой, режущей болью, при каждом неправильном положении ступни. Он с досадой представил, как будет нелепо смотреться в VIP-заведении, жалко выхрамывая там, по дороговому полу.

– Мне бы белая трость сейчас тоже не помешала, – с язвительной иронией в голосе попытался пошутить для кого-то «новорожденный». – Никак, посмешище для «жирных» гостей дорого ресторана в полной боевой готовности...

Он попытался припомнить, когда последний раз посещал подобные заведения. А посещал ли он вообще, за свою удачно сложившуюся, долгую и счастливую жизнь, заведения такого уровня. Мозг стал ловко проектировать модель происходящего: дорогую обстановку ресторана; смотрящих с высока, надменных, лучше него одетых официантов и прочих работников, обязанности и статус которых, будут ему даже не ведомы; высокомерных гостей, минимум олигархов, которые возмущенно подзывают к себе тех самых официантов и с перекошенным от призрения лицом вопрошают, да так, чтобы это было слышно всем, особенно ему: кто, мол, пустил в их уютный мир, эдакое ничтожество?!

Желание куда-либо ехать или хотя бы даже выходить с квартиры, таяло, под гнетом накручиваемых мыслей, навеянных образов и красочных фантазий, с каждой секундой. Зачем ему, униженному и больному человеку, все это? Его

праздник давно закончился. И здесь ненужно было винить государство, общество, семью. Вся вина грузом висела только на нем самом и никак иначе. Те «олигархи» из ресторана, утренний гость, даже этот юный парень, смогли, вопреки всему, чего-то добиться в жизни, реализовать себя. А он? Не смог. Объяснение этому, было совершенно простое – «лузер»! И какой смысл выстраивать витиеватые схемы самообмана в противовес этому железобетонному факту? Поезд его умчался далеко вперед и бежать за ним уже не было никакого резона. Естественный отбор не обманешь.

С другой стороны, век его, семимильными шагами, подходил к концу. Надеяться на чудо в его случае абсолютно наивно и глупо. Организм в тридцать три года разваливался на части и думать, что это волшебным образом прекратиться, минимум наивно. Он, сам медик, все прекрасно понимал.

Его мать надеялась до последнего, вплоть до того самого дня, а вернее ночи, когда дыхание и сердце ее остановились. Бывала ли она: скромная, стеснительная, честная, принципиальная и правильная, в таких закрытых VIP-заведениях? Надежды не оправдались, жизнь закончилась, а прожить ее так и не получилось. Получилось просуществовать. Просуществовать и безвозвратно покинуть, лишив себя всего того, чем эту жизнь кто-то, для чего-то насытил. Так что, если представилась такая возможность, пускай и на закате, ее, не повторяя чужих ошибок, нужно использовать. Жизнью нужно насыщаться, пока не поздно... Нужно было всегда и все

отбирать у этой непродолжительной жизни. Не надеяться на что-то, а именно отбирать, до тех самых пор, пока у тебя не отобрали жизнь.

Резко поднявшись с продавленного кресла и, невзирая на невыносимую боль в ноге, тридцати трёх летний мужчина, побрел к шкафу подбирать соответствующий случаю наряд, из своего скудного, давно не обновляемого, гардероба. Кое как прогладив утюгом и быстро одевшись в наспех подобранные шмотки, он оценил себя в зеркале, брызнул пару раз парфюмом и, захватив скомканную купюру в карман, отправился на встречу неизведанному.

Выйдя из подъезда, он был ничуть не удивлен, увидев перед собой белый ягуар с непроглядно затонированными стеклами. Юноша с тростью, в мгновение ока очутившийся рядом с правой задней дверью автомобиля, почтительно ее отворил и выпрямился по стойке смирно, в ожидании пассажира. Вот это сервис! Усаживаясь на удивительно гостеприимное сидение, покрытое белой кожей, юбиляр отметил, что вопреки ожиданиям, в поведении юноши нет высокомерного призрания к его персоне, так же, как нет и видимого раболепия, перед приславшим его сюда господином, возможно, заставившим его себя так вести. Казалось, вид юноши выражал некое неподдельное уважение, заставившее наконец расслабиться и похвалить себя за правильно сделанный выбор относительно положительно принятого решения в пользу сего мероприятия.

Роскошь дорогого автомобиля делали поездку весьма приятной. Этот факт заставлял пересмотреть свое отношение к комфорту и роскоши, необходимость в которых всячески отрицалась, особенно в последние годы жизни. Наверное, это было вызвано тотальным невезением и абсолютным провалом на всех жизненных фронтах, пониманием того, что больше в жизни ничего не светит и ввиду сложившихся обстоятельств, добиться хоть чего-то уже не представляется возможным. Отрицание потребности в роскоши для себя, как и человечества в целом, убеждение того, что комфорт делает человека ленивым и ни на что, вне этого комфорта, не способным, были своеобразным защитным рефлексом неудачника.

Они выехали из города и помчались по шоссе, ловко обгоняя попутки. Скорость не ощущалась, но ехали они явно быстрее разрешенного, видимо уже сильно опаздывая к оговоренному времени. С юным водителем за все время поездки они еще ни обмолвились и словом, поэтому решив несколько исправить ситуацию, он спросил:

– Долго еще ехать?

– Не очень.

– Мы хотя бы не сильно опаздываем из-за моего долгого собирания? – попытался хотя бы в такой форме попросить прощения юбиляр, за долгие сборы и явную неготовность, к назначенной на три часа по полудню, встрече.

– Мы как раз укладываемся в сроки, – кротко успокоил

его водитель.

Пытаясь продолжить дальше рассуждать о роскоши и комфорте, которые не вызывали в нем никаких потребностей чувствовать себя великим или могучим, а вызывали скорее непонимание, рождавшее вполне логичные вопросы: почему каждый из живущих на этой планете не может наслаждаться подобными благами? Неужели ресурсов хватает только на каких-то избранных – «успешных»? Кто вообще решает кому наслаждаться, а кому гнить в нищете из суровой реальности? – он заметил, как они, свернув на узкую дорогу, помчали прочь от шоссе в сторону леса.

Когда автомобиль въехал в лес, представленный в основном хвойными деревьями, пассажир открыл стекло и жадно вдохнул приятный лесной аромат. Когда последний раз он бывал на природе? Хотелось высунуть голову из окна, как любят это делать собаки, наслаждаясь таким образом лесной прохладой в полном объеме, наполняя щеки, затем и легкие, воздухом с фитонцидами.

С правой стороны от них, построенный сразу возле дороги, побежал высокий металлический забор, выкрашенный белой краской. Интуиция подсказывала что они уже где-то рядом от нужного места и вскоре они уперлись в массивные металлические ворота, выкрашенные такой же белой краской без единой пометки или надписи. Ворота разъехались в разные стороны, и они медленно въехали внутрь, оказавшись рядом с контрольно-пропускным пунктом, откуда вышел че-

ловек в камуфляже без опознавательных знаков, на груди у него висело автоматическое оружие.

– Ваш пропуск, – монотонно обратился он к шоферу ягуара, после того как тот опустил водительское окно.

Водитель высунул руку в окно повернув ее внутренней стороной запястья к охраннику, который закинув автомат за спину, достал прибор похожий на сканер в супермаркете и начал им что-то считывать, водя по запястью. Прибор пикнул несколько раз, охранник удовлетворенно кивнул, после чего стал засовывать голову в открытое окно обращаясь уже к пассажиру:

– Ваш пропуск, будьте добры.

Пассажир, смущенный таким вниманием к своей персоне, вспомнил о красочном пригласительном и неловко зашарил по карманам, понимая, что оный остался дома.

– По-моему я забыл свой пригласительный – растеряно стал оправдываться виновник торжества, забывший пригласительный на день собственного рождения. Да и не ожидал таких строгих правил посещения VIP-заведения, отметив для себя, что посещать их ему все же не приходилось.

– Секундочку – выпалил охранник, высовываясь из окна.

Он достал рацию и начал с кем-то связываться, что-то спешно говорить и потом внимательно слушать. Видимо уладив все вопросы, предписанные в его должностных инструкциях, он наклонился и сказал:

– Проезжайте, – и в уже закрывающееся окно добавил. –

Приятного вечера!

Они быстро проехали по алее усаженной разнообразными деревьями, некоторые из которых были совершенно не характерны для местного климата, но каким-то удивительным образом выживали на открытом грунте. Временами казалось, что тот или иной зверь, завидя мчащийся автомобиль, прыгал в эту экстравагантную чащу, скрываясь от пытливых глаз непрошенного, хотя и приглашенного, гостя. Вскоре сквозь деревья, по обе стороны, начали просматриваться контуры зданий, значит они были совсем рядом с целью. Территория этой структуры была без сомнения довольно внушительной. За время их следования от КПП, у пассажира создалось ничем не объяснимое впечатление того, что он попал в другую реальность, с условиями существования совершенно отличными от тех, что были до момента пересечения ими ворот.

Автомобиль остановился рядом со входом в массивное двухэтажное здание с колоннами, которое, судя по архитектуре было возведено не менее ста лет назад, но несмотря на это, находилось в отличном, ухоженном состоянии. Они поднялись по ступенькам и преодолев грузную резную дверь оказались в полумраке прохладного здания, в глубине которого играла симфоническая музыка, на звук которой они и направились.

Просторный коридор показался гостю гораздо длиннее из-за нарастающей боли в ступне, которая навязчиво порож-

дала в нем прилив негативных мыслей вперемешку с отвращением к происходящему. За время болезни, в тесной связи с комплексом навалившихся проблем, он абсолютно разучился радоваться жизни. Рядом с ярко освещенным залом, из которого на фоне музыки, слышался гул многих голосов, ему невыносимо захотелось развернуться и ковылять отсюда прочь, от тех десятков уставившихся на него глаз. Он чувствовал, как заливается краской, терзаемый чувством предстоящего стыда: «Зачем я согласился сюда приехать? Мой праздник жизни уже давно закончился... Я обычный маргинал... Биологический мусор на обочине... Кому и что я должен доказывать здесь?».

Когда они все же вошли в зал, гул голосов стих, а музыка, исполняемая небольшим живым оркестром, стала играть гораздо тише.

– Как говорится, дамы и господа, леди и джентльмены, – раздался знакомый по утренним событиям голос, обладатель которого стоял с поднятой, призывающей к тишине и вниманию, рукой вверх. – Разрешите мне, отрекомендовать вам, нашего почетного гостя, которому сегодня, уже почти как двенадцать часов назад, исполнилось ровно тридцать три года! Согласитесь, дата, определенно, немалым знаменательная.

По залу неожиданно разлилась волна аплодисментов, а рядом с юбиляром, в мгновение ока, оказался официант с разносом, на котором стояли бурлящие шампанским бока-

лы.

– Скорее, скорее! Поднимаем свои бокалы. Не стоит терять символическое мгновение – продолжал седовласый мужчина, дожидаясь пока бокал возьмет и сам виновник торжества. – Не буду долго говорить по поводу человека, собравшего сегодня нас в этом зале. В этом нет нужды. Скажу лишь, что ему выпали определенные тяготы, благодаря которым, он и смог стать именно тем, кем стал перед нами сегодня. Желая ему в дальнейшем исключительно успеха, а все остальное у него уже есть! Выпьем же за это! До дна!

Выпивая свой бокал, приглашенный на празднование собственного дня рождения, окончательно впал в замешательство и абсолютное непонимание того, как следует себя вести далее: что делать, что говорить, кем себя позиционировать и так далее. Услышанный им тост, был нелеп и бессмыслен, хотя это и можно было списать на совсем недавнее знакомство с произносящим. Но факт того, что несколько сотен человек собрались здесь ради празднования его тридцатитрёхлетия, никуда деть было нельзя. Кто все эти люди и зачем они собрались ради него? Он никогда не любил пафоса и пристального внимания к своей персоне, а в нынешней жизненной ситуации это было тем более крайне излишним. Но деваться было некуда, оставалось только выпить еще пару бокалов и учиться наслаждаться жизнью как в последний раз, не взирая на все горести, невзгоды и абсурд.

Произносивший речь подошел к приглашенному и повел

его на уготованное почетное место.

– Очень рад что ты все же принял мое приглашение – любезно отодвигая стул поблагодарил юбиляра утренний гость.

– Спасибо что пригласили – скомкано и неловко отозвался юбиляр.

Разбившиеся на группы люди, находившиеся в зале, стали вслед «почетному гостю» усаживаться за богато накрытые столы, продолжая гудеть, обсуждая свои насущные проблемы, изредка бросая любопытные и явно косые взгляды в сторону гостя, как бы давая понять, что это он оторвал их от тех самых дел. Оркестр пустился громко играть веселую мелодию. Официанты, в белоснежных фраках, стремглав бросились на выполнение своих прямых обязанностей.

Пригласивший и приглашенный сидели за столом вдвоем. Их стол располагался таким образом, что им было видно всех, а всем, при желании, было удобно наблюдать их.

– Честно говоря, не привык я как-то к такому вниманию, тем более от незнакомых людей. Совершенно не понимаю, как себя вести...

– Главное расслабиться и, как говориться, получать удовольствие, – прервал его седовласый, добродушно улыбаясь. – Утром я успел оценить величину проблем, с которыми тебе пришлось столкнуться, поэтому прекрасно понимаю, как потрепала жизнь. Думаю, после такого, у любого человека опускаются руки. Я когда-то на себе испытал все тяготы социальной «справедливости» и истинного человеческо-

го «понимания», пусть и связанные немного с другими проблемами в моей жизни. От меня отвернулись абсолютно все, и я остался сам на сам со всем, извиняюсь, дерьмом этого мира. Но лишь оказавшись на самом дне, я получил силы... дам-с... Вернее сказать – толчок, и смог выбраться из выгребной, пардон, ямы.

– Я уже покрыт таким плотным слоем дерьма на дне этой самой ямы, что никакой толчок не поможет выбраться даже на поверхность дна, не говоря уже о чем-то более возвышенном. Нет ни сил, ни возможностей, а желание, подбадриваемое наивной надеждой, угасает со скоростью света, попавшего в крошечную тьму. Мое здоровье подорвано до нельзя. И яма моя не только выгребная, но и долговая...

– Вздор! Поверь, я был в положении не лучше твоего. Знаешь, кто мне помог встать окончательно на ноги? – вопросительно глядя на своего отчаявшегося собеседника, седовласый оптимист жестом попросил наполнить им бокалы.

– Даже не могу себе представить.

– Твой отец! Именно он дал мне все то, что ты успел увидеть, когда въехал через ворота. А поверь мне, это самая малая часть! – вставая и сильно завывсив голос – За юбиляра! – вскричал хозяин, поднимая бокал вверх.

Все выпили, после чего гул голосов усилился пуще прежнего, свидетельствуя нарастающую атмосферу праздника в хмельной эйфорической глухоте, не только к собеседникам, но и к навязчивым делам, суетным проблемам.

– Я не знал этого факта. Мне всегда казалось, что мой отец обычный работяга. Даже не представляю, как он мог поспособствовать всему этому, – обводя жестом вокруг, продолжил беседу виновник праздника, неспешно попивая шампанское.

– Когда-нибудь я обязательно расскажу тебе эту историю, – похлопывая по плечу, пообещал обладатель всей этой роскоши. – А теперь, давай просто наслаждаться жизнью, празднуя твое, можно сказать, новое рождение.

– Согласен, мне уже давно пора было отвлечься от всей этой рутинны и проблем. Признаюсь только, непросто наслаждаться жизнью, когда я испытываю такое внимание к себе, от совершенно посторонних людей, которых, я так понимаю, нагнали сюда ради массовости.

– Поверь мне, все кто здесь находится, пришли сюда исключительно по доброй воле и с большой охотой! Пришли бы больше, да мест у нас здесь в недостатке. Даже на вакансии «официантов» сегодняшнего мероприятия отбоя не было! Пришлось устроить самый жесткий квалификационный отбор... Так что, ты видишь тут самую элиту моего детища.

Седовласый «отец» детища собственноручно откупорил бутылку коньяка и разлил его по чистым коньячным бокалам.

– Хватит на сегодня общих тостов, давай просто отдыхать. И каждый из присутствующих, пусть делает это, как того пожелает...

Они выпили.

– Я прямо удивлен такой своей популярностью, – захмелев, решил разбираться в интригующей ситуации юбиляр. – С чего вдруг всем этим людям хотеть меня увидеть? Это розыгрыш?

– Никакого розыгрыша! Все так и есть. И ты в скором времени убедишься в этом сам. Но всему свое время.

– Что у вас за организация? Это-то хоть не секрет?

– Не секрет. Но так сразу обо всем и не рассказать... Хм... Да уж, ммм, длинная история. Скажем так, мы помогаем, некоторым людям, найти себя, разрабатывая для этого определенные, довольно сложные технологии. Похвастаюсь, не побоюсь этих слов, – технологии будущего.

– Заманчиво...

– Еще бы! Более того, я хотел бы тебе лично предложить испытать некоторые наши разработки. Уверен они помогут тебе справиться со многими проблемами не только в здоровье. Если примешь это мое предложение, прими его за еще один скромный подарок на день твоего рождения, – наклонившись по-отечески к уху и приобняв за плечо – А я, настоятельно рекомендую тебе его принять.

– И приму. Терять то особо и нечего. Буду рад любому, хоть даже самому малейшему шансу.

– Вот и замечательно! Я с большим, чистым и искренним удовольствием предоставлю этот шанс. Но больше, чем уверен, это не малейший, а что ни на есть громадный и стопро-

центный шанс! Может быть это сейчас и кажется хвастовством, но мне все же удалось добиться невероятно грандиозных успехов в определенной области.

– Судя по роскоши и странной растительности снаружи этого здания, я уверен, что все сказанное – искренняя правда. А вот если не секрет, что это за дресс-код такой у всех? Почему все в белых костюмах и с тростями? Так плохо у всех с ногами или прячете в них острые лезвия? Превалирующее большинство здесь гораздо моложе меня, вряд ли вы анонимное общество хромым инвалидов...

– Дресс-код с моей подачи. Большинство, кто входит в наше общество, обязан представлять его именно в таком виде. Думаю, любая успешная корпорация, стремиться к подобному, так сказать, некоему корпоративному лицу.

– Но почему в белом? Чаще же пачкается. И почему у вас на набалдашнике ягуары?

– Потому что наше общество хромым инвалидов, называется «Дети белого ягуара». Хм, и кстати, острое лезвие в трость никто у нас не запрещает...

– Значит какое-то отношение вы все же имеете к автомобилестроению? Сюда меня привезли, как раз на белом ягуаре.

– Данная марка авто лишь удачно вписывается, так сказать, в концепт. Если тебе правда так важно выяснить все это именно сейчас, твое право, – хозяин разлил по бокалам коньяк и приступил к рассказу. – Ты, наверное, помнишь

неимоверно раздутый ажиотаж вокруг странной даты: двадцать первого декабря две тысячи двенадцатого года?

Они с подчеркнутым уважением соприкоснулись бокалами и выпили.

– Нууу... Какой-то очередной конец света предсказывали. Если не ошибаюсь по календарю южноамериканских индейцев... Кажется – майя.

– Совершенно верно! По календарю индейцев, именно эта дата, совпадала с вышеупомянутым мною числом в современном, общепринятом летоисчислении. Эти индейцы были довольно успешными во многих вопросах, что касается математики, астрономии и так далее... Но не в этом суть. А в чем, собственно говоря, суть так и осталось для многих загадкой. Дата прошла. Обещанного фантазерами шоу, в виде конца света, человечество так и не дождалось. Шумиха резонно утихла. И все успешно забыли про фатальную дату и этих самых несчастных индейцев.

– Я припоминаю как раздували. Фильмы снимали, передачи делали, в СМИ широко так обзоредали... При всем моем скепсисе, сам чуть не поверил.

– Все, кто хотел, хорошо заработали на этой дате. Существует определенная прослойка человечества, кормящаяся за счет, прямо скажем, траура и трагедий... Падальщики... Но речь, конечно же, не о них. Да уж, не хватало... Дата была лишь окончанием календаря высокоразвитых индейцев. Они хорошо знали, передавая это знание с поколения в поколе-

ние, что с концом календаря заканчивается одна, скажем так, эра, или эпоха – если угодно, и наступает, соответственно, другая. Не буду углубляться в детали, откуда они это знали и так далее, суть не в этом. Дела давно минувших дней и нам они не должны быть особо интересны, да и не нашего, прямо скажем, это ума. Угу...

– Согласен. Хотя было бы интересно узнать, с чего бы эти индейцы, такие продвинутые, – попытался приступить уже к явно хмельным рассуждениям, сейчас только полностью расслабившийся от алкоголя юбиляр. – Помнится я смотрел какие-то телепередачи и там не особо лестно отзывались об этих племенах. Они, как я понял, были довольно кровожадные.

– Уверяю тебя, мой дорогой друг, не более кровожаднее чем нынешнее племя, мнящее себя не иначе как цивилизованным и разумным. Тебе ли этого не знать в твоей то нынешней ситуации? Да и дело то в другом. Эти самые индейцы были уверены, что с концом данного календарного цикла, наступит новая, самая многообещающая и перспективная эпоха. Они ее называли, в довольно вольном переводе конечно, эра пятого солнца или эпоха детей белого ягуара. По их убеждению, на кануне этой самой даты конца календаря, должны были по всей Земле начать рождаться особенные дети, наделенные способностями не присущими до того живущим людям.

– Не вы ли, те самые дети? – с язвительной иронией рас-

плылся в кривой улыбке гость.

– Именно! – с детским восхищением воскликнул «отец» детей ягуара.

– Спасибо за поднятое настроение, но я сегодня, как вы сами сказали, стал уже большим мальчиком, чтобы верить во всякие сказки. Позволю себе предположить: вы являетесь основателем какой-то секты, чего, собственно, я нисколько и не осуждаю. Каждый вертится как хочет и верит во все, во что ему вздумается. Всегда считал себя толерантным и понимающим. Лишь бы не было войны... Но я, сразу скажу, не готов...

– Ладно. Секта так секта. Поговорим об этом как ни будь в другой раз и при других обстоятельствах. А сегодня давай просто веселиться.

4.

Глядя в листок с заданиями, он понимал, это полный провал, его знания равны нулю. Столько лет потрачено в пустую. Как же так? Он потратил на все это свои самые лучшие годы. Те самые годы, когда остальные наслаждались жизнью, даже будучи студентами, строили семьи, бизнес, путешествовали по миру и так далее. Что с ним не так? Зачем ему все это было нужно? Как он мог так наивно и глупо поступить со своей жизнью? К нему подошел преподаватель и потребовал листок с заданиями, после получения которого начал громко злорадствовать, указывая на полную безграмотность, необразованность и ничтожность экзаменуемого, всем этим вызывая в аудитории безудержный гогот.

– Да кто ты такой? – заорал он в лицо преподавателю вскакивая с места, не выдержав такого несправедливого отношения к себе. – Объясни мне, светило медицины, как так вышло, что ты и такие же как ты, не смогли меня за шесть лет ничему научить? Как так вышло, что я потратил свои лучшие годы, но ничего не знаю? Не знаю не я один! Ничего не знают все ваши выпускники! Почему никто из вас не смог поставить правильный диагноз и вылечить мою мать? Почему вы не можете вылечить меня? Не вылечить, не научить! Вы способны гордиться своими лживыми регалиями, выдуманными званиями, лживыми знаниями, бессмысленными

достижениями... Но не способные лечить! Не способные даже учить! Вы – те, кто давно превратили медицину в способ зарабатывать деньги на больных и умирающих!

Преподаватель с холеным лицом, ухоженной бородкой и дорогими очками на кончике носа лишь ехидно улыбался в ответ. Кто есть кто и на чьей стороне «правда», давно решила жизнь. Только тогда он понял, что может бесконечно кричать здесь, предъявляя обоснованные претензии; сыпать фактами, неопровержимо подтверждающие высказанные истины; призывать к благоразумию... Но все это будет тщетно. Он никто. А они – всё! Один в поле не воин. Медицина для него была той последней надеждой хотя бы на что-то... Вдруг зазвенел звонок, преподаватель стал блекнуть, а он, внезапно, очутился рядом с огромной железной дверью, покрашенной в синий цвет, понимая, что пришел после учебы на работу, с которой его теперь тоже выгонят, после такого-то фиаско на экзаменах. Он все сильнее вдавливал палец в кнопку дверного звонка, но за дверью звон вместо того, чтобы усиливаться, затихал и удалялся... Наконец дверь открыли. На пороге стоял тот самый седовласый мужчина, ловко прокручивающий в пальцах трость с набалдашником в виде ягуара.

– Уже пора просыпаться, мой дорогой друг!

Открывшись, сонные глаза, тут же попытались сосредоточиться на источнике затихающего звона – массивного бокса, стоящего на возвышенности в дальнем конце комнаты.

– Наконец-то! – воскликнул седовласый мужчина, стоявший по правую руку от кровати, на которой почему-то спал обозреватель таких, ярких, эмоциональных и правдоподобных сновидений. – Я уж было отчаялся тебя добудится. Ты спишь уже около суток. Отмечу, вполне здоровым сном!

– Ого – еле смог выдавить он из себя, приходя постепенно в сознание и смущенно поглядывая на будящего. – Не думал, что умею так долго спать.

Оглядываясь по сторонам, он не мог понять, где находится и как сюда попал. Помещение напоминало довольно просторную больничную палату, выполненную в ослепительно белом цвете и сплошь напичканную множеством приборов, назначение которых нельзя было даже предположить. По левую руку находилось огромное окно, во всю стену, с видом на экзотический сад.

– Где я нахожусь?

– Ну ты даешь! Мы же обо всём договорились. Неужели ты ничего не помнишь?

– Помню, как много пили, ели, веселились... салют... потом опять ели... снова пили... Помню, ты обещал доказать мне, что существует настоящая медицина и грозился даже вылечить меня от всех болезней, приводя какие-то антинаучные, явно фантастические доводы... Это помню... Как попал в палату? Нет, не припомню...

– Замечу, что я был не на столько пьян как ты и говорил только истинную правду! Как ты себя чувствуешь?

– На удивление замечательно! Я давно себя так не чувствовал, особенно после пьянок. Так что, спасибо за приглашение, угощения и ночлег, но пора собираться домой. Там меня ждут любимые таблетки, которые я опрометчиво не пил уже несколько дней.

– Все таблетки отменили мои специалисты, так что безнадежно травить себя, я тебе больше не позволю! Да и ехать тебе куда-то нужды никакой нет.

– Еще одного пребывания в больнице я больше не выдержу...

– Во-первых, это не больница, во-вторых – у нас самые лучшие условия проживания и все абсолютно бесплатно, скажем так, в счет заведения. Ты через неделю, и это максимум, забудешь о всех своих проблемах и, поверь мне, не только со здоровьем. Это, естественно, лишь при условии, что ты начнешь выполнять все рекомендации уже с сегодня.

– Начну что?

– Проходить цикл реабилитации и восстановления организма. Это вначале... М-да... Угу... Для этого, тебе будет необходимо проводить ровно час времени в нашем специальном устройстве, – седовласый указал тростью в сторону уже переставшего звенеть бокса, – не более чем раз в сутки. Остальное время ты можешь заниматься чем угодно, с единственным ограничением: нельзя самостоятельно покидать территорию. Если ты захочешь выехать во внешний мир, попроси водителя и тебя отвезут куда угодно и когда

угодно. А то еще решишь, что мы тебя упрятали в тюрьму. Но самостоятельно выходить отсюда настоятельно не рекомендую. Да... Свобода у нас превыше всего. Вроде бы все что хотел... Угу... На этом, я вынужден распрощаться на сегодня. Важные дела сами собой не решаются, к сожалению. Однако, я уверен, что здесь довольно много тех, кто как следует позаботится о тебе. Кстати, аппарат уже готов к эксплуатации. Всего доброго! До встречи.

– До встречи. Спасибо за излишнюю заботу!

– Да брось! – снисходительно махнул рукой седовласый, открывая входную дверь. – Я приглашу к тебе.

Только что закрывшаяся дверь, снова открылась и в палату вошла приятной наружности девушка, одетая в свободный белый костюм, больше всего напоминавший форму чирлидерш. Она, широко улыбаясь совершенно ровными, белыми зубами, подошла к боксу, выполнила какие-то манипуляции и мягким голосом пригласила к ней.

– Я покажу как что. Это только первый раз. Дальше ты и сам сможешь справиться. Здесь нет ничего сложного.

– Уже бегу – отозвался он плененный милостивой улыбкой, с трудом поднимаясь с уютной кровати. Выбравшись из-под одеяла, он понял, что одет в одних трусах. – Не знаю только где моя одежда или хотя бы тапочки.

– Если, что я не смущаюсь, – отозвалась, улыбаясь во весь рот, милая девушка, – а полы у нас теплые.

– А я вот как-то смущаюсь, моей вины правда здесь нет,

одежду просто спрятали, – поймал себя на флирте пациент чирлидерши, ковыляя больной ногой в сторону бокса. – Надеюсь, труссы вы с меня снимать не станете?

– В этом нет необходимости, – ласково ответила она и приступила к объяснению настройки аппарата. – Смотри, когда он перестанет звенеть, нужно будет вначале нажать вот эту кнопку, – она обвела ее пальцем, – потом эту. Открываем крышку и нажимаем еще две кнопки. Эту и, вот эту. Потом ложимся и ждем пока откроется крышка, вылезаем из бокса. На этом все. Приятного времяпрепровождения!

Открытая крышка бокса скрывала под собой капсулу, оборудованную не хуже космического корабля из фантастического фильма про будущее. Количество кнопок, рычагов, мониторов, мигающих приборов, лампочек, как и прочих чудес техники, превышало любые допустимые пределы и смотрелось крайне эффектно, хотя и немного пугающе.

– И правда ничего сложного. Только для чего все эти элементы управления? Я в космос улетаю?

– Их трогать нет никакой необходимости. После нажатия четырех кнопок, которые я показала, все начинает работать в специально настроенном для тебя автоматическом режиме. Единственное, чем рекомендую пользоваться, это центральным монитором. С его помощью можно управлять освещением, включать видео или музыку. Уверена, за час разберешься.

– Ну что же, доверюсь вашей милой улыбке и испытаю

удачу – с этими словами он полез внутрь бокса и расположился в уютном кресле, которое сразу же начало менять свое положение, переводя его тело в более горизонтальное. Крышка медленно закрылась, включилась релаксирующая музыка, а приятный женский голос сообщил, что до конца сеанса осталось ровно шестьдесят минут.

В этот раз он, от греха подальше, решил не трогать ни монитор, ни что-либо еще в этой высокотехнологической капсуле. Центральный монитор под релаксирующую музыку демонстрировал видео-нарезки про живой мир, в которых были представлены в основном представители насекомых с довольно сложными циклами развития. Ни смотря ни на что, час пролетел незаметно, о чем сообщил тот же приятный женский голос. Музыка затихла, монитор погас, лампочки перестали мигать так интенсивно, а показатели с других приборов и мониторов упали до нуля. Дверь бокса плавно открылась и кресло приняло первоначальное положение. Он увидел чирлидершу, которая видимо пришла встретить его после первого сеанса.

– Как все прошло? – с искренним участием поинтересовалась она.

– Как с луны прилетел, – пытался юморить пациент, выбираясь из бокса. Настроение было такое, что действительно хотелось смешить, любить, а главное, жить. – Больше всего понравилось видео про насекомых со сложными циклами развития. Глисты я вам скажу, достигли больших успехов в

этом направлении.

– Видео стоит по умолчанию. Там можно выбирать по своему вкусу – объяснила чирлидерша-медсестра. – Теперь, советую позавтракать.

– С удовольствием.

– Меню можно посмотреть в вашем компьютере, – она указала на стол с монитором. – Сделать заказ нужно там же. Вроде бы ничего сложного.

– Похоже на то... Вот это сервис! – он был неподдельно удивлен.

– Не буду больше мешать. Если что-то будет нужно, есть кнопка вызова на телефонной трубке. Так же чат в компьютере. Туалет и ванная находятся вот там, – она указала на еле заметную дверь в стене. – Там же находится небольшой личный гардероб.

Она ушла. Он стал осматривать свои владения. Палата, если ее можно было так назвать, была поистине громадной. Вся планировка, мебель и странные приборы создавали стойкое чувство футуризма. Он походил из угла в угол, пытаясь рассмотреть некоторые приборы поближе, но разгадать их целевую принадлежность, хотя бы приблизительно, так и не представилось возможным. Не зря ему приснился сегодня сон, в котором он чувствовал себя абсолютным «двоечником».

Давно он так хорошо не высыпался, также давно, как и не видел таких красочных, реалистичных снов, наполненных жизнью, насыщенных настоящими эмоциями. Он вспомнил

как пытался спорить во сне с профессором, пытался ему прям доказать все то, что знает теперь. Попытка связать преподавателя из сновидения с кем-то из реальности, не увенчалась успехом. Такой наглой и ехидной рожи припомнить он так и не смог.

Невыносимое чувство голода заставило его отправиться от громадного окна с видом на сад в другой конец комнаты, к белоснежному столику с монитором. Отодвигая кресло на колесиках из белой кожи, приподняв при этом левую ногу и потрясая стопой в воздухе, он вдруг понял, что больше не ковыляет по комнате как калека. Его нога больше не болела. Голова была легкой и светлой. Настроение – было отличным.

Монитор включился сразу, как только он сел на кресло, поэтому ему не пришлось мучаться в поисках кнопки питания, так как ни одной видимой кнопки он не наблюдал. Осталось найти меню и понять, как заказать с него еду. Повозив пальцем по экрану, он не без труда нашел строку поиска и ввел туда слово «меню». Ему было намного проще пользоваться компьютером с помощью мыши и клавиатуры, а не вот так вот, по новомодному.

В представленном меню еда была на любой, даже самый изысканный, вкус. Если это и больница, то вероятно самая лучшая в мире. Во всяком случае, он о таком сервисе и качестве услуг, не слышал даже в дорогих отелях, не говоря уже о больницах, особенно в тех, в которых неоднократно лежал, за время болезни. Заказывать еду оказалось не так и слож-

но, как казалось, нужно было лишь выбрать интересующее блюдо и перенести его пальцем в окно для заказа. Он не стал шиковать, а заказал несколько бутербродов с красной икрой, несколько бутербродов с черной икрой (больше из любопытства принесут или нет), яичницу-глазунью и двойной черный кофе.

Интересно, если жизнь и здоровье человека самое главное, а об этом указано почти во всех конституциях, почему тогда больницы такие жуткие и ужасные? Почему персонал в них чаще всего надменный и злобный, а больничная еда такая, что ее даже собаки у нормальных хозяев жрать не станут? Не противоречит ли такое состояние медицинских учреждений конституции? Допустим же, что персонал недоволен своей заработной платой и поэтому так себя ведет. Но, если этот самый персонал не устраивают условия работы, почему он тогда не требует улучшения этих условий, а срывает свою злость на пациентах? Если мало платят или плохие условия работы в медицине, зачем тогда там вообще работать? Ведь эта как раз та отрасль, которая совершенно не терпит случайных людей. Это та отрасль, в которой должны вариться только убежденные гуманисты и альтруисты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.